

Глава 50. Добрая чета

Чжэн Шаньцы с головой ушёл в работу: вместе с мастерами из Канцелярии общественных работ он бесконечно обсуждал составы цемента и бетона. Последние дни он почти не покидал ямэнь, заночевав прямо в своём кабинете. Что касается Ся Далана, то после их разговора в поместье тот сперва выделил на строительство дорог триста лянов серебра — чисто для вида, но на следующий же день, к немалому удивлению Шаньцы, прислал ещё три тысячи. Причём сделал это без каких-либо условий или просьб о покровительстве, что выглядело крайне подозрительно.

Шаньцы решил пока не придавать этому значения, отложив расспросы до личной встречи. В конце концов, отказываться от внезапного богатства было бы глупо. В прошлом году ямэнь жил в привычном ритме, оживляясь лишь к осенней жатве, но теперь, когда Шаньцы затеял великую стройку, Канцелярии чинов, Податная и Общественных работ трудились не покладая рук. Дяньши Чжу распределял дежурства среди стражников для охраныстроек, а Податная канцелярия занималась набором рабочих и созывом мирян на повинность. Где была возможность — обходились трудовой повинностью, где рук не хватало — нанимали людей со стороны, при этом чиновники из Податной лезли из кожи вон, стараясь максимально сократить расходы уезда.

Для пропитания рабочих наняли местных женщин, которые готовили еду в огромных котлах. Им полагалось по тридцать вэней в день за две горячие трапезы — утром и вечером. В самый разгар весенней страды желающих махать киркой в Синьфэне нашлось не так много, но уезд был велик, и народ всё же потянулся на стройку. Поразмыслив, Шаньцы велел Податной канцелярии ввести почасовую оплату — пять вэней за один шичэнь. Это решение мигом прибавило энтузиазма жителям, хотя и заставило изрядно попотеть чиновников и стражников, которым теперь приходилось вести строгий учёт времени.

Синьфэн наполнился стуком инструментов и гомоном голосов — работа кипела.

Крестьяне, закончив сев с использованием травяного удобрения, дождались первых сочных ростков и теперь всю применяли «Фэньдань», о котором говорил господин начальник. В свободное от забот об аптекарских травах время они спешили к стражникам, чтобы получить жетон и подработать на дороге.

— А ведь и правда хорошо! — рассуждал крепкий мужчина, работавший с обнажённым торсом. — И лишний грош в кармане, и дорога будет справная. Как закончим, в город станет ездить одно удовольствие — забудь про грязь в сезон дождей.

— Грязь — это полбеда, — отозвался другой, таща на спине мешок с известью. — Беда, когда в ту грязь по колено проваливаешься, да и быкам несладко. Я о великом не гадаю, мне бы денег побольше скопить: сыну пора жену искать, да и дочери приданое справить нужно, чтобы в доме мужа её уважали.

Обычные заботы, из которых и складывается жизнь. Но когда в руках появляются деньги, даже

кислая и горькая доля кажется слаще. На стройке все были согласны с этим.

Временные кухни уезда кормили на совесть: три блюда и суп. За добавкой похлёбки можно было подходить сколько угодно, да и риса не жалели. Видно, из-за того, что у ямэня теперь была своя маслобойня, масла в еду добавляли щедро, отчего она была сытной и ароматной. После тяжёлого труда такая миска горячего — лучшее вознаграждение. К тому же раз в неделю поваров обязывали готовить мясо, так что простые работяги ели здесь лучше, чем у себя дома.

В полдень полагался отдых под специально сколоченными навесами, где люди могли прилечь в тени. Подкрепившись, они с удовольствием болтали:

— Наш господин Чжэн — человек особенный. Сразу видать — честный чиновник.

— Давненько в нашем уезде не было такого оживления.

— Я вот думаю свою старуху сюда пристроить, обеды варить. Тридцать вэней в день — деньги немалые. Глядишь, и мне лишний черпак мяса перепадёт, — мужчина облинулся. — Готовит она у меня — пальчики оближешь. Завтра принесу вам её солений на пробу.

— И то верно, тридцать вэней за две варки — работа завидная. Не будь я неумехой в готовке, сам бы первый в повара записался, — поддакнул другой.

— А на ткацкой фабрике тоже заработки неплохие. Там младший брат господина Чжэна за всем приглядывает, управляющие и пикнуть не смеют, со всеми по-доброму обходятся. Мой фулан, если год там проработает, побольше нашего на земле заработает.

Разговоры в тени навеса наполняли сердца людей радостью. Когда в семье есть достаток, жизнь кажется краше: и на рынке в городе можно что повкуснее купить, и на кусок мяса в лавке не скупиться.

Убедившись, что строительство дорог вошло в колею, Шаньцы наконец немного перевёл дух. В Податной канцелярии вскрылись мелкие хищения, и Чжэн Шаньцы велел дяньши Чжу немедленно бросить виновных в тюрьму. Подобного зла не избежать, но после этого случая остальные чиновники притихли, работая с удвоенным рвением. Те, кто распоряжается казной, всегда ходят по краю: серебро так и мелькает перед глазами, и нужно иметь стальную волю, чтобы не протянуть руку. Ведь если начальство и совершит ошибку, виноватым всегда назначат того, кто пониже рангом.

Если семья Ся поддержала стройку деньгами, то клан Сюй проявил ещё большее рвение, без лишних слов пожертвовав пять тысяч лянов. Сюй были людьми дальновидными.

Шаньцы испытывал к семье Сюй искреннюю симпатию. Они не занимались разорением

крестьян ради земель, предпочитая строить лавки и дома под аренду. Жили тихо, по закону, и всегда откликались на нужды уезда. Таких богатеев власти всегда любят: налогов платят много, в делах смыслят и хлопот не доставляют.

— Семья Сюй? Они мастера сглаживать острые углы, — рассказывал регистратор Цзян. — На мой день рождения, на день рождения помощника Ци и других чиновников от них всегда приходят подарки. И от Ся, и от Гао тоже шлют, но дары от Сюй всегда особенные. Может, и не самые дорогие, но видно, что выбирали с душой, зная, что человеку по сердцу придётся.

Чжэн Шаньцы не переставал удивляться — неудивительно, что другие кланы не смели трогать семью Сюй, раз те так искусно вели свои дела.

Лавку для закуской, которую хотел открыть Шаньцы, арендовали именно у семьи Сюй. Их отношение к делу привело Чжэн Шаньчэна и Гэ'эр Линя в полный восторг. Сюй передали им помещение, вычищенное до блеска, снабдили крепкими столами и лавками, да ещё и надавали советов: в какой лавке приправы лучше, где овощи дешевле и в какой день на рынок за свежим мясом ходить. Такая забота подкупала.

Пока Чжэн Шаньцы пропадал на стройках, Юй Ланьни частенько получал приглашения от фулана Ся. Иногда они вместе ездили в загородное поместье развлекаться. Гэ'эр Сюй тоже пригласил Ланьни к себе, с улыбкой пообещав:

— У нас новый повар, готовит удивительно вкусно. Хочу, чтобы ты непременно попробовал.

— Тогда я обязательно приду. Надеюсь, ты не против, если я возьму с собой младшего брата мужа? — отозвался Ланьни.

Гэ'эр Сюй чуть сощурил свои бирюзовые глаза и улыбнулся:

— Конечно, приходите. Я подготовлю достойную встречу.

Ланьни переоделся и позвал с собой Чжэн Циньиня. Тот уже всю учился управлять хозяйством и неплохо разбирался в счетах. Ланьни и сам прилежно занимался — ведь в будущем ему предстояло держать в руках всё поместье.

— Пойдём, отведаем новинок в доме Сюй.

Циньинь с радостью согласился. Его характер стал куда живее: если раньше он и шагу не смел ступить без опаски, то теперь привык сопровождать Ланьни на прогулках.

Поместье Сюй встретило их изысканной простотой. Комнаты Гэ'эр Сюй выходили прямо в цветущий сад, что вызвало у Ланьни невольный вздох восхищения. В столице знатные гэ'эр тоже любили цветы и имели свои садики, но чтобы жить буквально среди бутонов, как Сюй, — такое

встречалось редко.

Люй Цзиню бы здесь точно понравилось, он ведь большой любитель цветочного чая.

— Прошу, присаживайтесь, — Сюй сам налил им чаю. — Сначала отведайте этого настоя.

— Молодой господин Сюй, у вас здесь просто чудесно, — Циньинь отпил глоток, наслаждаясь ароматом.

— Вы мне льстите, я просто вожусь здесь в своё удовольствие, — скромно отозвался хозяин. — Зови меня просто Гэ'эр Сюй.

— Тогда я буду звать тебя братом Сюй, а ты меня — Циньинем, — вежливо ответил тот, с интересом разглядывая растения.

Юй Ланьи же пришёл за новыми блюдами, но и беседа с Сюй была ему приятна — тот говорил складно и был на редкость добродушен. Вскоре разговор, как водится, зашёл о замужестве. В душе Циньиня ещё жили тени прошлого, к тому же он был мал, чтобы всерьёз думать об этом. Гэ'эр Сюй же недавно расторг помолвку и пока не нашёл нового претендента.

— Слышал, ты расстался с вторым внуком семьи Чэн? — Ланьи неспешно грыз семечки.

— Не по зубам мне их высокая ветка. Поначалу всё было славно, но характеры не сошлись, оба остались недовольны. Чэны хотели, чтобы Чэн Вэнь сперва сдал экзамены, а уж потом свадьбу играл. Это значит — мне два года его ждать впустую. А если сдаст, то ещё вопрос, захочет ли он на мне жениться. — Сюй не скрывал своего возмущения. — Впустую время бы на него потратил. Вот я и попросил отца расторгнуть этот союз.

— Верно, — поддержал его Ланьи. — Такой мужчина и даром не нужен. Раз он так высчитывает выгоду сейчас, то и в будущем ничего доброго от него не жди.

Расторгли — и ладно. Тем более что господин Чжэн, похоже, всерьёз взялся за клан Чэн, и связываться с ними сейчас было бы верхом глупости. Гэ'эр Сюй был единственным ребёнком в семье, и он подумывал о том, чтобы взять в дом мужа — пригожего, покладистого, чтобы легко было в руках держать. Ведь если он уйдёт в чужую семью, отцу придётся усыновлять кого-то из родни, а значит — отдавать всё нажитое в чужие руки. Сюй этого допустить не мог. Он с детства учился торговле не для того, чтобы кто-то пришёл на всё готовое.

Повар подал острые блюда. От специй у Ланьи во рту буквально запылило, но удовольствие было огромным. Запивая жар прохладным чаем, он рассыпался в похвалах.

— Обожаю острое. Чтобы слёзы из глаз — вот тогда по-настоящему вкусно!

Циньинь ел маленькими кусочками, стараясь не обжечься. Заметив, что Гэ'эр Сюй выглядит призадумавшимся, Ланьи предложил ему прогуляться по саду.

— Всё ещё беспокоишься о замужестве? — прямо спросил Ланьи.

Сюй грустно улыбнулся:

— От тебя ничего не скроешь. Мой отец хотел, чтобы я пошёл в наложники к господину Чжэну, но я этого не желаю. Я по натуре человек сильный, властный. Мне нужен муж, которого я смогу направлять, чтобы родить сына. Больших талантов от него не требую, лишь бы лицом был пригож да телом крепок.

Ланьи, едва услышав начало, закипел от ярости, но вторая часть фразы лишила его дара речи. Выходит, Сюй просто ищет красивого мужчину, чтобы родить наследника? Ланьи даже немного растерялся.

— Тогда ищи внимательнее, — он искоса глянул на Сюй и понизил голос: — Одного лица мало, если человек окажется подлым да жадным, он тебя самого вокруг пальца обведёт. Смотри в оба, и не обязательно только в Синьфэне. Вот Чжэн Шаньцы достроит дорогу, тогда и за пределами уезда мужа найти можно будет.

Гэ'эр Сюй лишь молча улыбнулся в ответ.

Вечером Чжэн Шаньцы вернулся домой. Смыв дорожную пыль, он прилёг в постель. Юй Ланьи тут же притянул его к себе, пристально разглядывая лицо и проходясь ладонью по крепким мышцам живота.

Шаньцы не сопротивлялся, позволяя супругу ласкать себя. Он притянул Ланьи за талию, покрывая поцелуями его лицо. Его ладони скользили по нежной коже, а пальцы мягко развели бедра Ланьи.

Вспомнив слова Гэ'эр Сюй, Ланьи вдруг подумал, что Шаньцы — едва ли не лучший мужчина во всей Великой Янь. Пусть происхождением он и не дотягивает до высшей знати, зато лицом красив, статью удался, характером спокоен и терпелив. Наложниц заводить не думает, в делах усерден.

Где ещё такого сыщешь?

Да и в постели с ним... просто чудесно.

— Основные дела улажены, — прошептал Шаньцы, его дыхание стало прерывистым и жарким.
— Думаю, дядя скоро будет возвращаться из столицы. Хочу подготовить для них подарки, чтобы отвезли на границу.

— Привези им самого крепкого вина, — отозвался Ланьи. — Военные любят огненную воду, да и раны обрабатывать пригодится.

Ланьи вырос в семье полководцев и лучше всех знал, что по душе второму господину Юю.

— Хорошо... Завтра же велю купить лучшего крепкого вина.

Обычно Ланьи не приходилось ломать голову над подарками — папа всегда брал это на себя. Но теперь у него была своя семья, и родственникам мужа полагалось подносить дары отдельно.

— Чжэн Шаньцы, скажи мне, раз ты такой умный и прилежный, как же ты на экзаменах только в третью ступень попал? — Ланьи легонько ущипнул его за живот.

Шаньцы на мгновение замер.

— Ланьи, попасть в список цзиньши — уже великая удача, — мягко ответил он.

Раз в три года экзамены сдавали тысячи, и лишь три сотни становились цзиньши. Среди них было полно отпрысков знатных родов, чьи учителя были лучшими в стране. Прежний владелец этого тела, при всех его недостатках, явно обладал талантом к учению, раз сумел пробиться сквозь такую конкуренцию. Сам же Шаньцы не считал себя каким-то гением, он просто оказался в нужном месте в нужное время.

Заметив, что муж замолчал, Ланьи прижался к нему крепче. В спокойствии Шаньцы чувствовалась надёжность и уверенность. Раньше он бы, верно, презирал такой тихий нрав, но теперь всё больше погружался в теплоту, которую дарил ему муж.

Шаньцы был хорошим человеком. Эта женитьба, начавшаяся с нелепой ошибки, обернулась для Ланьи истинной удачей.

Второй господин Юй возвращался из столицы, нагруженный дарами от старшего брата и его супруги. В тюках были и новые одежды из Павильона Золотых Одежд, и редкие лакомства.

— Эх, скорее бы Ланьи вернулся в столицу, — вздохнул он.

Госпожа Юй рассмеялась:

— Просто признай, что тебе лень возить эти тюки.

Когда Второй господин покидал Шэнцзин, Юй Шиянь как раз вошёл в поместье князя Чжэньнань. Е Юньчу отлично проявил себя при усмирении бедствия, и Император Умин остался доволен. После такого указа князю Чжэньнань и его принцессе-консортуре оставалось лишь, скрепя сердце, признать Юй Шияня своим цэцзюнем.

— Хорошо хоть, что он только боковой муж, — заметил Второй господин. — Иначе Ланьи, узнав об этом, точно бы устроил бурю. Надеюсь, мой племянник-зять не ударит в грязь лицом и проявит характер.

Госпожа Юй лишь печально вздохнула. Если бы не та злосчастная ошибка, судьба Ланьи сложилась бы куда блистательнее, и не пришлось бы ему ехать в такую глушь, как Синьфэн. Однако, глядя на то, как ладят эти двое, она думала: нет худа без добра. Знатность рода важна, но счастье в доме куда важнее.

Юй Шиянь выходил замуж в розовом платье — цвете, положенном лишь наложникам и младшим мужьям. Его внесли в поместье через боковую дверь, и в этот миг его ненависть к Е Юньчу достигла предела. Он никогда не хотел быть лишь тенью, и если бы была возможность, он бы предпочёл навсегда покинуть столицу.

Он злился на себя, но ещё больше — на Е Юньчу.

Первая брачная ночь прошла в тягостном молчании. Е Юньчу был полон радости: он вернулся героем и наконец мог взять в жёны любимого человека. Но вместо нежности он встретил лишь холод и ненависть.

— Со временем я сделаю тебя главным супругом, — пытался утешить его Е Юньчу.

Шиянь отвернулся к стене, и его голос прозвучал резко:

— Не сделаешь.

— Ты ведь тоже думаешь, что я возвысился благодаря тебе, — Шиянь обернулся, и в его глазах блеснули слёзы. — Все вокруг считают, что я выгадал от этого брака. Но ты ведь лучше всех знаешь — я этого не хотел.

Е Юньчу не выдержал его взгляда и отвёл глаза. В эту ночь они делили одно ложе, но их мысли были бесконечно далеки друг от друга.

Синьфэн

Семья Ся словно помешалась: они не только не мешали строительству, но и щедро жертвовали деньги. Остальные три клана продолжали держаться вместе, настороженно наблюдая за происходящим. Чжэн Шаньцы, закончив с делами в ямене, часто выезжал на инспекцию новой бетонной дороги.

Он также навещал поля, проверяя, как растут лекарственные травы. Возвращаясь из одной такой поездки, он встретил цзяоюя Лю, который просил аудиенции. Лишь тогда Шаньцы вспомнил — приближается время торжественного жертвоприношения Конфуцию.

<http://bllate.org/book/15809/1439333>